

ФИЛОСОФИЯ

УДК 355.01

АНТРОПОЛОГИЯ ВОЙНЫ: НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ГИБРИДНЫХ ВОЙН

Тебякина Е. Е.

Аннотация: *Война – извечная спутница человечества, сопровождающая его от самой колыбели цивилизации и качавшая эту колыбель, запуская механизмы эволюционного развития. Кружась в вечном диалектическом вальсе побед и поражений, хода и исхода, средств нападения и защиты, подвига и предательства, человечество совершенствовало методы и способы ведения военных компаний, а с ними изменялись и аспекты социального бытия, внутренних этических максим человека и его экзистенциальной настроенности на мир. Но, вместе с тем, война – это и еще и разрушительная трагедия, гуманитарная катастрофа, экзистенциальный коллапс, выбивающий человека из «нормального» течения жизни, сталкивающего его непосредственно с бытием-к-смерти и заставляющего проживать чувство собственной конечности в общем моменте экзистенциального напряжения. В своем становлении человечество проходит путь от первобытных, примитивных войн, носивших стихийный характер до современного свертехнического противостояния мировых держав, осуществляющего на всех уровнях военного бытия (тактическом, стратегическом, материально-техническом, ресурснообеспечивающем, социальном, духовном, психологическом и повседневно-бытовом). Но каков же характер современной комплексной (гибридной, сетцентрической, ментальной войны)? Изменились ли ее фундаментальные, экзистенциальные, смысло-жизненные и нравственно-этические ориентиры? И как изменится антропологический фактор в эпоху гибридных войн?*

Ключевые слова: *война, ментальное воздействие, постправда, глобалистика, антропологические практики.*

Война сопровождает человечество с самого первого момента формирования цивилизаций и выступает порой единственной возможностью вписать ту или иную нацию в общий исторический контекст. Как отмечают отечественные исследователи В.Ю. Сухачев и М. Майор: «Война является цезурой, рвущей привычную ткань “мира”, сметая наслоения монотонной обыденности и открывая нечто изначальное человеческого существования, сокрытое повседневностью» [1, с. 18]. Именно поэтому, целый ряд философов (Сунь-Цзы, Гераклит, Т. Гоббс, Г.В.Ф. Гегель и многие другие) полагали ее единственным источником эволюционного развития и общечеловеческого прогресса, а состояние мира – застоєм и гибелью культуры. К тому же, война представляется одной

из древнейших форм специализации и профессионализации древнего человека. Как отмечает знаменитый отечественный специалист по теории военного искусства А.Е. Снесарев: «... война глубоко свойственна человеку на первичных ступенях его развития, постоянная, незаменимая его спутница» [2, с. 78]. Войны за территорию и за выживание велись постоянно и становились залогом политического и экономического устройства государств и становления наций. Собственно, в войнах происходило совершенствование вооружения, а вместе с ними, орудий труда и производства, а военные нужды и борьба с разрушительными последствиями военных столкновений толкали человечество к прогрессу. При этом, в ряду других негативных природных или антропогенных факторов (голода, болезней, неурожая) и цивилизационных вызовов, войны не воспринимались как стихийное, трагическое бедствие или витальная катастрофа, а расценивались, вероятно, в контексте обыденного восприятия жизненной данности. Понимание и осмысление разрушительных последствий войны как гуманитарной катастрофы, происходит гораздо позже, на рубеже XVII–XVIII веков, в эпоху формирования национальных самосознаний, массовых армий и благодаря трудам гуманистов, поднимавших этические, нравственные и правовые вопросы ведения военных компаний.

Информационное общество как предпосылка современной гибридной войны.

Переход от понимания войны как специфической деятельности закрытой, элитарной касты воинов и героев к массовым армиям и многолетним, затяжным, кровопролитным сражениям, вовлекает в контексте военного бытия не только непосредственно участников военных сражений (комбатантов), но и все мирное население воюющих стран в целом. Модификация типов вооружения вызывает изменения в тактических и стратегических методах, целях и способах ведения войны, однако в прежние исторические периоды подобные изменения проходили крайне медленно, охватывая десятилетия, а то и эпохи, а начиная с XX и тем более уже в XXI веке, благодаря последствиям технической и информационной революции эти изменения стали производиться с поразительной быстротой. И огромную роль в этих стремительных изменениях сыграла возможность мгновенной передачи информации в любую точку Земли через интернет, что вызвало невиданное ранее ускорение роста объема информации в мире (практически на 30% ежегодно). Такое стремительное распространение нового коммуникативного средства не только упрощает и сокращают возможности передачи информационных сообщений, но и порождает ряд специфических проблемных моментов, связанных с цифровизацией общества и имеющих отношение абсолютно ко всем пользователям всемирной паутины. По замечанию экспертов: «Дело в том, что возможности, открываемые развитием цифровой среды, и порождаемые ею же опасности имеют глобальный характер» [3, с. 47]. Таким образом, глобальная сеть порождает глобальные же проблемы, а с учетом скорости ее развития, скорость распространения и усугубления этих проблем приобретает мгновенный характер, что не удивительно, благодаря тому, что сегодня интернет представляет собой колоссальную, быстро растущую и стремительно развивающуюся систему. Так, согласно отчету «Global Digital 2022» около 67,1 % населения Земли подключены к мобильному интернету, то есть имеют постоянный и непрекращающийся

доступ во всемирную сеть [4]. Вместе с тем, подобное развитие информационных технологий, неимоверно быстрый рост информации и развитие социальных сетей в корне меняют представления человека о собственных антропологических практиках, а новое измерение – виртуальность – распространяет свое влияние и меняет характеристики исходных человеческих феноменов, таких как труд, коммуникация, игра, досуг и даже война, вводя в качестве оружия новый феномен массовой медиаманипуляции средствами СМИ и придавая войне гибридный характер, что, в сущности, вводит человечество в эпоху непрекращающейся «скрытой» войны, результатом которой станут необратимые последствия. Сам по себе феномен медиаманипуляций не является прямым фабрикованием фактов или дезинформацией, а представляет собой особые техники (стратегии) в массовой коммуникации, которые направлены на то, чтобы подтолкнуть аудиторию к принятию определенных взглядов, мнений, выводов и идей, при заведомой деформации реальности, средствами нарушения логики, сокрытия или искажения фактов и целевое и планомерное психологическое воздействие. Так как появляется возможность для каждого человека с доступом в интернет создавать и распространять любой контент (в том, числе и с места происшествия или вести съемки скрытой камерой, которая есть в любом смартфоне и т.п.), то возникает и необходимость в средствах управления общественным мнением, а, следовательно, и медиаманипуляции. На том основании, что важным становится получить личностный отклик в процессе медиаманипулирования становится важным не получение достоверных фактов, доказательств и авторитетных оценок, а необходимо оказывать непрерывное эмоциональное воздействие на аудиторию. Данный феномен получает наименование «постправда» (англ. post-truth). Причем это явление, благодаря массовости и глобальности распространения позволяет называть современное общество – «обществом постправды». По справедливому замечанию Б.В. Маркова: «Если идеология выдавала желаемое за действительное, т. е. как-то соотносила сознание и реальность, то новые рекламные и политические технологии создают такие инсталляции, которые своей яркостью и убедительностью превосходят реальность, вообще вытесняют ее из поля внимания. Соблазняя или запугивая зрителей, они отвлекают внимание от действительных проблем и управляют массами как участниками рынка развлечений [5, с. 18]. Начиная же с 2006 года термин «постправда» прочно входит в научный оборот. Но, если в прежние эпохи возможности СМИ ограничивались социальным и политическим пространством, то сегодня его воздействие испытывают на себе уже все сферы общественной жизни – экономическая, культурная и даже военная. Так СМИ превращается в оружие эпохи новых скрытых, ментальных войн.

Эпоха современных металлических войн. Как отмечает Советник Министра обороны Российской Федерации, Действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса А. М. Ильницкий, подчеркивая глобальный и всеобъемлющий характер современного типа войн: «Прежде всего следует иметь в виду, что ментальные войны ведутся без стран и цивилизаций» [6, с. 27–28]. Тем не менее, гибридная (в других трактовках – сетевая, информационная, ментальная) война – это не принципиально новое изобретение XXI века, поскольку смешанный характер войны

был свойственен практически всем войнам цивилизованного общества. Уже Сунь-Цзы в «Искусстве войны» отмечает важность поддержания боевого духа собственного войска (предтеча военно-политической работы) и необходимость слома духа противника, применяя тактику психологического запугивания и пропаганды [7]. Равно как и в ментальном противоборстве остаются значимыми и действенными законы хода и исхода войн и важность результативности, но, при этом, происходят коренные, онтологические изменения в способе ведения войны. Изначально само понятие «информационной войны» было связано со средствами ведения боевых действий: «Понятие “информационная война” связывают с подготовкой директивы Министерства обороны США DOD S 3600.1 (принята 21 декабря 1992 г., изменения вносились 9 декабря 1996 г.) В этом документе понятие имело узкий смысл и рассматривалось в качестве разновидности радиоэлектронной борьбы» [8]. Однако, затем информационное противоборство перетекает именно в способ ведения войны: «Ментальная война вошла в научный обиход как форма глобального противоборства, в результате развития общества, и отражает весь опыт, который накопило человечество в ходе ведения других типов противоборств (информационных, технологических, экономических, социокультурных и т.п.). На современной ступени зрелости ментальное противоборство учитывает тенденции и уровень научно-технического прогресса, информационной интеграции мирового сообщества и выступает самостоятельным видом осуществления внешней и внутренней политики» [9]. Кроме того, ментальное противоборство приобретает постоянный, непрекращающийся характер. Поэтому человечеству необходимо разработать новую стратегию выживания и/или защиты от ее воздействия на ментальные структуры человеческого бытия.

Новая антропология войны. Войны XXI века переходят в виртуальное пространство. А, значит, изменяются приемы ведения войн, тактические и стратегические решения, тип вооружения, варианты и возможности поражения целей, но, прежде всего, изменяется антропологический фактор, который в мире виртуальной реальности приобретает принципиально иное значение, нежели в действительности. Изменения целей ведения войны трансформирует и структурный характер управленческой деятельности в войсках. Как отмечают отечественные военные исследователи В.И. Ковалев, Г.Г. Малинецкий, Ю.А. Матвиенко: «Система управления войсками и оружием по своей сути – это производная от их состава и структуры. А состав и структуру любой организации, будь то коммерческая фирма или вооруженные силы, определяет стратегия ее действий при достижении поставленных целей» [10, с. 10]. Преобразование характера ведения войны, преобразует и структуру управления в войсках и отношения командиров к подчиненным, вынуждая их проявлять заботу не только об их физическом и психическом состоянии, но и о ментальном здоровье. Кроме того, расширяется характер современных средств ведения войны, ведь современные войны охватывают не только земное пространство (землю, воду и воздух), но и космическое пространство околоземной орбиты. Как отмечает уже упоминавшийся нами А.М. Ильницкий: «Характер и содержание войн постоянно развиваются. Гиперзвук, цифровизация и роботизация становятся доминирующими тенденциями при создании новых образцов вооружения, военной и специ-

альной техники (ВВСТ). Космос, информационное и киберпространство все активнее используются в ходе вооруженной борьбы» [11, с. 23]. Если раньше солдат шел с луком, мечом, винтовкой, непосредственно на врага, четко осознавая границу разделения «свои-чужие», то уже при создании тяжелой техники и оружия массового поражения степень отчужденности военнослужащего от своих действий в ходе военных мероприятий возрастает как никогда ранее. Современная война – это уже не непосредственная схватка один на один, где каждый из сражающихся противопоставляет другому собственную жизнь, а битва тяжелых и дальнобойных орудий, которые хоть и находятся под управлением человека или нескольких (экипаж танка, стрелки зенитных орудий), но наносят смертельный урон уже крайне опосредованно от антропологического фактора. А современный оператор беспилотника еще больше отчужден от военных плодов собственного труда, то есть урона, поражения целей и уничтожения врагов и вторично опосредован экраном монитора (как ранее холодным или огнестрельным оружием), на котором враги, оказывающиеся в зоне поражения, предстают перед ним не реальными людьми, а картинками, бессловесными персонажами, лишенными идентичности. В современной войне уже невозможна будет сцена, подобная той, что описана Ремарком в его романе «На Западном фронте без перемен», когда Пауль Боймер во время артобстрела оказывается в одном окопе с только что заколотым им французским солдатом и наблюдая его умирание осознает «человечность» убитого им врага и острее чувствует бессмысленность войны [12]. Без непосредственного же контакта с врагом, без личностного присутствия в моменте, ощущение этической ответственности за уничтожение чужой жизни значительно снижается, а картинка на экране оказывается слишком далекой и абстрагируется от реально человека. Именно подобная отчужденность, а также навыки геймера становятся ценными преимуществами будущего военного. Например, ряд европейских государств всерьез рассматривают новобранцев-геймеров как имеющих преимущество набора на военную службу перед остальными (такой пример можно увидеть в ВВС Дании [13]). Это объясняется тем, что геймеры быстрее обучаются на симуляционных моделях (благодаря близости дизайна компьютерной игре), кроме того, проще научить геймера управлять беспилотником, чем переучить действующего боевого пилота, привыкшего к непосредственному, физическому управлению самолетом.

Тем не менее проблемы, связанные с размыванием собственно человеческого, его идентичности и самосознания, носят, как и все явления современного мира, глобальный тип. Поскольку, в отличие от всех войн предыдущих периодов, в том числе и двух Мировых войн (которые приобрели международный характер и распространяют свои последствия на весь мир в целом, а не только на стран-участниц, а также втягивают в военное противостояние всех граждан воюющих стран, работающих на оборону в тылу или же вынуждающих, например, женщин сделаться полноправными участницами сражений и официально принять статус военнослужащих, что во все предшествующие эпохи воспринималось скорее как исключение, нежели правило) в ментальном противостоянии вынуждены постоянно принимать участие абсолютно все члены общества, причем помимо их собственной воли (так как ментальное воздействие носит массовый, а не изби-

рательный характер). Теперь военное противостояние – это забота не только избранных воинов и обслуживающего персонала, но вообще всех граждан, против которых ведется война. К глобальности и массовости войн присоединяется еще и фактор непрерывности и постоянства, поэтому информационная, ментальная война не кончается никогда.

Острота моментов ментальной войны связана еще и с атакой на идентичность и самобытность целой нации и поэтому в качестве оружия может служить искажение исторической памяти и габитуса народа, причем отнюдь не в постмодернистском духе, придающем масштабность локальному событию (как, например, в «Бесславных ублюдках» Квентина Тарантино) или играющем смыслами, а в полном перетолковывании истории на новый лад, со смещением акцентов и нивелированием роли победителей. Не только «fake news» но и «fake history» с полностью измененным содержанием, благодаря глобальным интернет-технологиям распространяет свое влияние на весь мир. Хотя подобная фальсификация не является новинкой в мировом историческом процессе, так как историю часто перетолковывали в угоду правящему режиму или начисто переписывали победители, вместе с тем, это происходило по прошествии нескольких исторических эпох, а не непосредственно в реальном времени, даже несмотря на оставшихся в живых очевидцах. Проблема «fake news» приобретает общемировой характер превращаясь в «fake reality», ввиду клиповости мышления, повышенного доверия к интернет-источникам и нежеланию детально разбираться в сути происходящего. Война сегодня ведется не только за будущее нации, но и за ее историческое прошлое, превращаясь, фактически, в войну памяти. «Войны за историческую память сотрясают информационное пространство, разрушая устоявшиеся ценности, взгляды, идентичность. Ставится под сомнение не сам факт того, была война или нет. Переосмысливаются роли стран-участниц» [14, с. 108]. С одной стороны, подобная техника ведения боевых действий опять же не нова и сходна с элементами пропаганды, которая велась на территории противника в ходе осуществления на этой территории боевых действий, но, с другой, современная ментальная война, благодаря политики глобализации и доступа широких масс к свободному пользованию любой информацией приобрела общемировой характер, без ограничения территорией стран-участниц и без разделения на комбатантов и не комбатантов. В связи с этим, все большее значение приобретают проблемы именно в гуманитарной сфере, потому как они становятся теми болевыми точками, которые будут подвергаться усиленному воздействию и как раз они станут силами, пригодными для разбалансировки общества. По словам экспертов: «Противодействие в “ментальной войне” начинается с оценки уязвимости гуманитарной сферы общественной безопасности» [15, с. 54]. Следовательно, очень важными становятся антропологические факторы, в связи с чем необходимо обратить особое внимание на преподавание гуманитарных дисциплин на непрофильных специальностях в негуманитарных ВУЗах, в которых зачастую они рассматриваются как «побочные» и «неважные» перед приоритетом профильных дисциплин. Незнание истории, культуры и неразвитость навыков критического мышления и дистанцированного восприятия фактов наличной действительности (за формирование которых в большей степени отвечает философия) создает угрозу гуманитарной ката-

строфы и точку для атаки в ментальной войне. По мнению отечественной исследовательницы Ж.В. Четвертаковой: «Информационно-психологическое воздействие в рамках ментальной войны проходит следующие этапы: изменение ценностной структуры, уничтожение идентичности и формирование новой идентичности» [16, с. 134]. Кроме того, незнание и искажение фактов исторического прошлого нации, очернение образа прошлого и навязывание чувства стыда за собственную историю, приводят к вечному повторению тех же самых ошибок.

Выводы. В XXI веке происходит переход от массовой идеологии и пропаганды к массовым техникам манипулирования сознанием и НЛП, ввиду снижения уровня общей критичности мышления, под влиянием стремительной информатизации, виртуализации и глобализации. Этот переход связан с ориентацией манипулятора на бессознательный уровень с чувственно-эмоционального, на котором играла пропаганда. По оценкам экспертов: «Произошло парадигмальное изменение в методах воздействия на изменение поведения человека. Если в XX в. предметом информационно психологического воздействия были различные элементы сознания, то в XXI в. подсознание» [17, с. 90]. И потому необходимо выработать новые эффективные антропологические практики выживания, которые были бы связаны с разработкой витальных схем поведения, позволяющих защитить не только сознание, но и подсознательный уровень каждого члена общества, так как они также должны носить массовый, глобальный характер. Если в эпоху древнего человека из касты профессиональных охотников формируются профессиональные воины и солдаты, выделившиеся в отдельную касту, то сегодня происходит обратный процесс – в ментальных войнах воздействию подвергается каждый член общества, потому, что воздействие носит массовый характер и производится вне зависимости от статуса комбатанта (непосредственного участника боевых действий) и некомбатанта. Так что необходимо разработать эффективную стратегию выживания и антропотехнику для защиты от угроз ментального воздействия как для военнослужащих, так и для гражданского населения. При этом, если для военнослужащих, представляющих собой закрытое профессиональное сообщество, возможно применение принудительных мер ограничения информационного воздействия (запрет пользоваться электронными устройствами с доступом в интернет) и возможностью эффективного проведения комплекса мер военно-политической работы и психологической устойчивости (ввиду специфики военной деятельности). То для гражданского населения такие меры в полной степени невозможны и неэффективны. Для обычных граждан, с одной стороны, решение этой задачи может лежать в исключительно прикладной технической сфере. Например, создание нейросети, которая бы занималась нейтрализацией негативных последствий ментального воздействия. Однако, данные меры не решают гуманитарных (философских, психологических и антропологических) проблем, связанных с оказанием влияния в целом. В связи с этим, с другой стороны, необходимо создавать мощный блок когнитивно-психологической и критической защиты личности и национального самосознания, чтобы выработать эффективную стратегию выживания в условиях новых информационных угроз. Причем стратегия должна быть активной и исключать моменты, связанные с замыканием в собственном информационном пузыре и

избегания действительности, посредством ухода в виртуальную реальность (через фильмы, книги, игры, закрытые сообщества, которые принципиально избегают упоминания в беседах острых моментов, связанных с текущей политической ситуацией), поскольку подобные стратегии избегания наносят больше вреда, чем пользы, так как с одной стороны, нельзя полностью исключить себя из информационного пространства в современных условиях, а с другой, в отсутствии знаний о поступательном развитии процесса, его окончательный результат может травмировать гораздо больше ввиду не понятия причин произошедшего и утраченного контекста.

Список литературы

1. Майор М.Н., Сухачев В.Ю. Война как экзистенциал социального поля / М. Н. Майор, // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2015. – № 3. – С. 17-20.
2. Снесарев А.Е. Философия войны / А.Е. Снесарев, А. А. Керсновский. - М.: Вече, 2018. – 336 с.
3. Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Цифровизация и когнитивные войны//Философия и общество. – 2021. – № 4 (101). – С. 39-51.
4. Обзор отчета Global Digital 2022: интернет, соцсети. Что было и что будет по прогнозам. [Электронный ресурс] URL: <https://vc.ru/u/937816-raddy/361755-obzor-otcheta-global-digital-2022-internet-socseti-chto-bylo-i-chto-budet-po-prognozam> (дата обращения 08.07.2023 г.)
5. Марков Б. В. Телесная память и цифровая коммуникация / Б. В. Марков // Философия хозяйства. – 2022. – № 1(139). – С. 149-160.
6. Ильницкий А.М. Ментальная война России//Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19-33.
7. Сунь-Цзы Искусство войны. – М.: Издательство АСТ, 2021. – 160 с.
8. Никитин Ю.А., Поправко Е.А. Ментальные войны XX-XXI вв.: терминология, основные стратегии, практика применения // Вестник адъюнкта. 2021. № 3(13). [Электронный ресурс] URL: vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/arkhiv-vypuskov. (дата обращения 13.07.2023 г.)
9. Шуралев С.Г. Технологический подход к проблеме ментальной войны // Вестник адъюнкта. – 2021. – № 3(13). [Электронный ресурс] URL: vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/arkhiv-vypuskov. (дата обращения 13.07.2023 г.)
10. Ковалев В.И., Малинецкий Г.Г., Матвиенко Ю.А. Концепция “сетевцентрической” войны для армии России: “множитель силы” или ментальная ловушка? // Информационные войны. – 2013. – № 4 (28). –С. 2-16.
11. Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19-33.
12. Ремарк Эрих Мария На Западном фронте без перемен – М.: Издательство АСТ. – 2016 г., 288 с.

13. Петров Е. Армия Дании планирует рекрутировать геймеров // Спорт-Экспресс, [Электронный ресурс], URL: – <https://www.sport-express.ru/cybersport/news/armiya-danii-planiruet-rekrutirovat-geymerov-1527586/> (дата обращения 13.07.2023 г.).
14. Гулевский А.Н. Война идей: прошлое и современность//Вестник Калмыцкого университета. – 2021. – № 4 (52). –С. 108-113.
15. Балановский В.Л., Подъяконов В.М. Новая парадигма обеспечения качества жизни в условиях “ментальной войны” // Качество и жизнь. – 2021. – № 2 – (30). – С. 50-56.
16. Четвертакова Ж.В. Технологии информационно-психологического воздействия используемые в ментальных войнах // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2022. – № 1 (38). – С. 133-137.
17. Пальцев А.И. Информационно-психологическая составляющая “глобальной гибридной войны” // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2019. – № 1(18). – С. 88-96.

Сведения об авторе

Тебякина Елена Евгеньевна – кандидат философских наук, г. Санкт-Петербург, Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева, преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах).

[E-mail: elenasofos@gmail.com](mailto:elenasofos@gmail.com)

Tebyakina E. V.

ANTHROPOLOGY OF WAR: A NEW DIMENSION OF MAN IN THE ERA OF HYBRID WARS

***Abstract:** War is the eternal companion of humankind, accompanying it from the very cradle of civilization and rocking this cradle, triggering the mechanisms of evolutionary development. Whirling in the eternal dialectical waltz of victories and defeats, progress and outcome, means of attack and defense, heroism and betrayal, humanity has improved the methods and methods of conducting military campaigns, and at the same time, aspects of social life, the internal ethical maxims of a person, and his existential attunement to the world have also changed. Nevertheless, at the same time, war is also a destructive tragedy, a humanitarian catastrophe, an existential collapse that knocks a person out of the “normal” course of life, confronts him directly with being-toward-death and makes him live a sense of his own finiteness in the general moment of existential tension. In its development, humanity goes from primitive, spontaneous wars, which were of a spontaneous nature, to the modern super-technical confrontation of world powers, which is carried out at all levels of military existence (tactical, strategic, logistical, resource-providing, social, spiritual, psychological, and everyday domestic). However, what is the nature of modern complexes (hybrid, network-centric, and mental warfare)? Have its*

fundamental, existential, meaningful, moral, and ethical guidelines changed? Moreover, how will the anthropological factor change in the era of hybrid wars?

Keywords: war, mental impact, post-truth, global studies, anthropological practices.

References

1. Major M. N., Suhachev V. Ju. Vojna kak jekzistencial social'nogo polja / M. N. Major, // Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovyh issledovanij. – 2015. – № 3. – S. 17-20.
2. Snesev A.E. Filosofija vojny / A.E. Snesev, A. A. Kersnovskij. - M.: Veche, 2018. – 336 s.
3. Alekseev A.P., Alekseeva I.Ju. Cifrovizacija i kognitivnye vojny//Filosofija i obshhestvo. – 2021. – № 4 (101). – S. 39-51.
4. Obzor otcheta Global Digital 2022: internet, socseti. Chto bylo i chto budet po prognozam. Available at: <https://vc.ru/u/937816-raddy/361755-obzor-otcheta-global-digital-2022-internet-socseti-chto-bylo-i-chto-budet-po-prognozam> (accessed 8 July 2023).
5. Markov B. V. Telesnaja pamjat' i cifrovaja kommunikacija / B. V. Markov // Filosofija hozjajstva. – 2022. – № 1(139). – S. 149-160.
6. Il'nickij A.M. Mental'naja vojna Rossii//Voennaja mysl'. – 2021. – № 8. – S. 19-33.
7. Sun'-Czy Iskusstvo vojny. – M.: Izdatel'stvo AST, 2021. – 160 s.
8. Nikitin Ju.A., Popravko E.A. Mental'nye vojny HH-XXI vv.: terminologija, osnovnye strategii, praktika primenenija // Vestnik ad#junkta. – 2021. – № 3 (13). Available at: vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/arkhiv-vypuskov (accessed 13 July 2023).
9. Shuralev S.G. Tehnologicheskij podhod k probleme mental'noj vojny // Vestnik ad#junkta. – 2021. – № 3(13). Available at: vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/arkhiv-vypuskov (accessed 13 July 2023).
10. Kovalev V.I., Malineckij G.G., Matvienko Ju.A. Konceptija “setecentricheskij” vojny dlja armii Rossii: “mnozhitel' sily” ili mental'naja lovushka? //Informacionnye vojny. – 2013. – № 4 (28). – S. 2-16.
11. Il'nickij A.M. Mental'naja vojna Rossii//Voennaja mysl'. – 2021. – № 8. – S. – 19-33.
12. Remark Jerih Marija No Change on The Western Front– M.: Izdatel'stvo AST. – 2016 g., 288 s.
13. Petrov E. Armija Danii planiruet rekrutirovat' gejmerov // Sport-Jekspress. Available at: URL: – <https://www.sport-express.ru/cybersport/news/armiya-danii-planiruet-rekrutirovat-gejmerov-1527586/> (accessed 13 July 2023).
14. Gulevskij A.N. Vojna idej: proshloe i sovremennost'//Vestnik Kalmyckogo universiteta. – 2021. – № 4 (52). – S. 108-113.
15. Balanovskij V.L., Pod#jakonov V.M. Novaja paradigma obespechenija kachestva zhizni v uslovijah “mental'noj vojny” // Kachestvo i zhizn'. – 2021. – № 2 – (30). – S. 50-56.

16. Chetvertakova Zh.V. Tehnologii informacionno-psihologicheskogo vozdejstvija ispol'zuemye v mental'nyh vojnah//Sovremennye problemy gumanitarnyh i obshhestvennyh nauk. – 2022. – № 1 (38). – S. 133-137.
17. Pal'cev A.I. Informacionno-psihologicheskaja sostavljajushhaja “global'noj gibridnoj vojny” // Gumanitarnye problemy voennogo dela. – 2019. – № 1(18). – S. 88-96.

Tebiakina Elena Evgen'evna – Candidate of Philosophical Sciences, Saint Petersburg, Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A.V.Khrulyov, Saint-Petersburg, Lecturer at the Department of Military-Political Work in the Troops (Forces).

[E-mail: elenasofos@gmail.com](mailto:elenasofos@gmail.com)